

Этические основания единства рациональности

Д. В. Полянский¹

¹Балтийский федеральный университет имени И. Канта
Калининград

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о единстве и множественности рациональности. Разнообразие типов рациональности не вызывает сомнений, дискуссионным остаётся вопрос о возможности её единства. Видовое единство Homo Sapiens предполагает единство человеческой природы, в первую очередь равенство задатков рациональности представителей вида. Наблюдаемые в реальности различия в теоретической и практической рациональности рассматриваются в статье как социально сконструированные, производные от различий в языке, ценностях и методах, к которым прибегают различные социальные группы, функционально специализированные под решение разнородных социальных задач. Социальные интересы и, как следствие, типы рациональности разных социальных групп могут противоречить друг другу, находиться в конфликтных отношениях. В качестве частного примера рассматриваются особенности и типологические различия бюрократической и педагогической рациональности. Постулируется наличие конфликта между этими типами рациональности в практиках современного российского формального образования, анализируется суть этого конфликта. Высказывается гипотеза, что конфликт рациональностей имеет преимущественно ценностные основания и решаются подобные конфликты на основании этической рефлексии относительно общего для всех конфликтующих сторон блага. Совместные дискуссии относительно общего блага обнажают рамки частных групповых логик, позволяют определить место данных социальных групп в рамках более широкого социального целого, подталкивают к осознанию и разрешению противоречий, вынуждают искать компромиссы, вырабатывать общий язык и преодолевать взаимное непонимание. Таким образом, моральные усилия участников коммуникативного пространства являются, возможно, главным условием движения социально дифференцированной рациональности к своему единству. Отказ от классической идеи единой рациональности не безобиден, ибо сама эта идея является нормативным идеалом, самосбывающимся пророчеством, которое реализуется при наличии коллективной веры и совместных действий.

Ключевые слова: рациональность, бюрократия, образование, этика, мораль, общее благо.

Одной из основных тем в исследованиях рациональности остаётся проблема её единства. Существование общей рациональности по-прежнему ставится под сомнение (*Рациональность как предмет философского исследования*, 1995). В данной статье мы рассмотрим, как отрицание единства рациональности демотивирует нас, лишает веры в возможность преодолевать бесчисленные рассогласования её локальных форм.

Ещё одна трудность теории рациональности состоит в самом предмете исследования. Рациональность не дана в наблюдении, о ней приходится судить косвенно и не иначе как посредством самой рациональности. В попытках отличить рациональное от нерационального разные авторы акцентируют внимание на самых разных проявлениях рациональной активности, в связи с чем «понятию рациональность свойственна неясность и неточность» (Ивин, 2004). Чаще всего в качестве атрибутов рационального называют соответствие логическим правилам, критические установки (методическое сомнение), обоснованность, рефлексивность, адекватность реальности, эффективность, обучаемость (способностью к выявлению ошибок и закреплению успехов). В то же время сегодня уже не вызывает сомнения исторический характер этих критериев. В разные времена и в разных социокультурных условиях эталоны рациональности подвергались и продолжают подвергаться сомнению, пересмотру, уточнению, корректировке. Очевидно, что рациональность представляет собой довольно сложную систему когнитивных средств, ситуативно используемых для решения задач познания и преобразования действительности. Ситуативный характер рационального мышления и поведения предполагает, что субъекты единой рациональности, оказавшись в разных социальных пространствах, могут руководствоваться разными ценностями, ставить перед собой разные цели и выбирать разные средства их реализации. Всё это, однако, вовсе не означает, что рациональность не имеет под собой никаких общих оснований. Как пишет Джон Сёрль, «стандарты рациональности, как и стандарты истинности, вполне применимы ко всем людям и культурам. Но при универсальных стандартах рациональности и рационального мышления есть возможность возникновения крупных противоречий; это даже неизбежно. Пусть существуют обоснованные и принятые стандарты рациональности, люди, действующие полностью рациональным образом, владеющие полной информацией; всё равно рациональные противоречия появятся — поскольку, например, рациональные действующие субъекты часто имеют различные и противоречивые ценности и интересы, тем не менее, одинаково приемлемые с рациональной точки зрения. Одна из наиболее глубоких ошибок состоит в той позиции, что неразрешимые конфликты являются знаком того, что кто-то должно быть ведёт себя иррационально, и под вопрос ставится сама рациональность» (Сёрль, 2004, с. 13).

Субъекты, поставленные в схожие ситуации, объективно имеют схожие цели и интересы, и по этой причине склонны координировать свои усилия. Общность ситуации, целей и интересов задают общность избираемых когнитивных средств и формируют коммуникативное поле рациональной активности той или иной социальной группы. Именно по этой причине имеет смысл различать локальную и универсальную рациональность.

Локальная рациональность представляет собой совокупность когнитивных операций и действий, используемых для решения частных целей и удовлетворения частных интересов. При этом частные интересы могут быть индивидуальными или разделяться той или иной социальной группой. В этом контексте можно говорить о рациональности пролетариата и буржуазии, атеистов и религиозно верующих, о российской и китайской рациональности и т. д. Признание существования локальных форм рациональности вынуждает искать рациональное там, где со стороны всё может выглядеть случайным, хаотичным, безрассудным. Атеисты без конца обвиняют в безумии религиозно верующих, европейцы обращают внимание на иррациональность русской души, а обычный обыватель часто не видит никакой логики в решениях правительства и бюрократических структур. Между тем здравый смысл подсказывает, что и верующие, и русские, и чиновники являются, прежде всего, людьми, и следовательно — разумными существами, реализующими какую-то свою собственную, со стороны не всегда очевидную, рациональную стратегию.

Поскольку люди в обществе решают разные задачи, постольку они являются субъектами разной рациональности. Но эти же люди имеют общую природу и как части единого социума имеют общие цели, ценности и интересы. Такое «общее благо» позволяет говорить об универсальной рациональности как совокупности разумных когнитивных операций и действий, выполняемых для достижения общих целей и удовлетворения общих интересов. Универсальная рациональность, с одной стороны, представляет собой всеобщее (в отличие от особенного) в человеческой природе. С другой стороны, в силу своей всеобщности она позволяет выйти за пределы частного и осознать цельность социальной действительности.

Введённое нами деление на локальную и универсальную рациональность открывает перед нами несколько теоретических преимуществ. Во-первых, это позволяет избежать релятивизма сторонников множественности рациональности и догматизма сторонников её единства. Рациональность одновременно едина и множественна. Она едина, поскольку рациональные субъекты поставлены в общие условия и совместно решают общие задачи, и множественна, поскольку эти же субъекты используют свой когнитивный арсенал для решения частных и специализированных задач.

Во-вторых, указанное деление позволяет обратить должное внимание на социальные основания единства и множественности рациональности. Хотя рациональность заложена в людях в качестве природных когнитивных задатков, способностью она становится лишь в результате социализации в конкретной социальной среде. Единство и внутренние различия социальной среды следует рассматривать в качестве главного фактора дифференциации единого поля рациональности. Рациональность оказывается множественна, потому что люди в обществе разделены на многочисленные социальные группы, преследующие собственные интересы. Рациональность едина, поскольку эти же люди, несмотря на различия, сохраняют между собой коммуникативные связи и точки взаимодействия, имеют общие цели и ценности, и в итоге составляют единую ткань совместной общественной жизни.

Рациональность формируется в социуме и носит коммуникативный характер. Человек познаёт и действует не в одиночку, он кооперирует и координирует свои усилия с другими членами сообщества. Постигаем ли мы действительность или ищем эффективные пути её преобразования, мы вынуждены не просто осуществлять выбор из определённого набора возможных идей и решений, мы должны это выбор обосновать, предъявить достаточные основания выбора самим себе и другим. Сам процесс мышления в своих основаниях диалогичен, даже когда человек мыслит наедине с собой, он ведёт внутренний диалог с условным Другим, мысленно проигрывает рождающиеся в этом диалоге идеи, стратегии, решения. Коммуникация — это естественная стихия мышления, и когда не хватает собеседника для дискуссии, рациональный субъект переходит в режим мышления посредством внутренней коммуникативной игры. Упомянутые выше свойства рациональности, такие как адекватность, следование логическим правилам, методическое сомнение, обоснованность, эффективность, обнаруживают себя только в коммуникации и, по сути, встроены, в свойства языка общения. Нельзя, например, выявить адекватность идеи или решения, иначе как представив их на суд других людей. То, что кажется адекватным или эффективным одному, вовсе не обязательно является таковым, — другое дело, если остальные акторы коммуникации раз за разом подтверждают данные качества. Отсюда естественные требования к серьёзному обсуждению: следовать общим правилам формальной логики, не быть голословным, безапелляционным.

В этом смысле проблема единства и множественности рациональности по своему содержанию тесно связана с проблемой единства и множественности вербального языка. Подобно сфере рациональности языковое пространство разделено, — люди используют тысячи разных языков. С другой стороны, между этими языками сохраняется фундаментальное структурное единство, позволяющее носителям разных языков осуществлять перевод, понимать друг друга и вступать в различные формы взаимодействия.

Теперь рассмотрим пример конфликта локальных форм рациональности. В качестве примера возьмём ситуацию, сложившуюся в современном российском образовании, где можно наблюдать достаточно острый конфликт педагогического и бюрократического сообществ, каждое из которых решает собственные задачи и в связи с этим является носителем собственной рациональности.

Последние 20 лет российское образование находится в состоянии непрерывного реформирования. За это время сменилось несколько поколений стандартов, создана профильная школа, внедрена новая система нормативно-подушевого финансирования, введены ЕГЭ, вузы переведены на болонскую систему обучения. Однако если взглянуть на эти преобразования глазами условного школьного или вузовского преподавателя, скорее всего он укажет на совсем другие изменения: растущую отчётность, постоянно меняющиеся директивы, формализацию оценок качества работы участников образовательного процесса, рост коррупции в административных кругах, непрозрачность системы оплаты труда, общую неопределённость и постоянное тревожное ожидание очередных нововведений. Иными словами, в его глазах происходящее выглядит скорее как

иррациональный хаос, набор случайных решений, нежели продуманная дальновидная политика. Обнаруживая всё новые препятствия для выполнения своих функций, педагогическое сообщество плохо понимает и не охотно принимает происходящие реформы. Социологические данные свидетельствуют, что по ряду ключевых нововведений оценка реформ в глазах педагогического и бюрократического сообществ значительно расходятся (Стребкова, Чевтаева, 2011; Титова, 2011)

Однако, как отмечено выше, то, что выглядит иррациональным с позиций одной локальной рациональности, в рамках другой оптики может выглядеть совсем иначе. Поэтому важно взглянуть на процесс реформирования российского образования с позиций бюрократической логики.

В обыденном языке слово «бюрократия» носит несколько уничижительный характер. Однако мы будем использовать этот термин в социологическом контексте, где он лишён негативно-оценочной окраски. В социологических теориях бюрократия рассматривается как важнейший социальный институт современного общества, осуществляющий функции государственного управления. Одновременно этим термином обозначают социальный слой чиновников, профессионально исполняющих эту функцию. Начиная с работ К. Маркса и М. Вебера все теории бюрократии принято делить на нормативные и критические. Для нормативных теорий характерно описание идеальной бюрократии, в них акцентируется внимание на инвариантном и должном в функционировании бюрократического механизма. Критические теории больше уделяют внимание дисфункциям, которым подвержена работа бюрократического аппарата в условиях реального социума. Причём часть из этих дисфункций можно оценить как временные акцидентальные трудности, а другую часть — как субстанциальные проблемы, укоренённые в самой природе бюрократической организации.

Нормативные концепции восходят к М. Веберу, создавшему классическую теорию рациональной бюрократии. В своих рассуждениях Вебер отталкивался от признания двух важнейших и взаимосвязанных тенденций в развитии социальной действительности — её усложнения и рационализации. Растущая сложность социальных практик, углубляющееся разделение труда, дифференциация социальной структуры создают дополнительные сложности для сохранения единства и управляемости социального организма. Ответом на эту угрозу является рационализация механизма управления. Идеальная рациональная бюрократия, согласно Веберу, представляет собой иерархически упорядоченную корпорацию профессионалов, доказавших компетентность в доверенной им сфере управления. Полномочия и обязанности этих профессионалов должны быть строго регламентированы, они должны работать на постоянной основе, получать фиксированную в контракте заработную плату, демонстрировать корпоративную дисциплину и лояльность, чётко выполнять инструкции и указания вышестоящего руководителя. Основу мотивации чиновника должна составлять преданность своей стране и организации, перспективы повышения по службе. Строгая регламентация и дисциплина призваны минимизировать произвол, личную заинтересованность и политическую ангажированность принимаемых решений, обеспечить безличный характер работы бюрократии. Все эти принци-

пы, по убеждению Вебера, создают три главных преимущества рациональной бюрократии: равенство всех клиентов бюрократии перед законом, максимальная эффективность и компетентность принимаемых ею решений, предсказуемость работы бюрократического аппарата.

Идеальная рациональная бюрократия, по мнению Вебера, в своей деятельности должна приближаться к работе вычислительной машины. Получив исходные данные и команду, имея нужный алгоритм действий, чиновник должен выдать точный и предсказуемый результат. Если бы Вебер жил в наши дни, он наверняка приветствовал бы различные проекты в области информатизации управления. Впрочем, несмотря на масштабную информатизацию бюрократического механизма, мало кто в современном мире сочтёт рациональную бюрократию Вебера реализованным идеалом. Во всех странах, и Россия здесь не исключение, существует массовое недовольство работой бюрократического аппарата.

Критические теории бюрократии восходят к Марксу, у которого критика бюрократии была тесно связана с критикой буржуазного государства. Профессионализм и государственное мышление чиновников Маркс считал опасными иллюзиями, созданными самой бюрократией. На деле же, она, по его убеждению, повсеместно носит классовый характер, представляет собой замкнутый клан, обслуживающий в основном интересы местной буржуазии. Замкнутый коррумпированный характер бюрократии в сочетании с жёсткой дисциплиной и иерархией порождают корпоративную круговую поруку, способствуют быстрому профессиональному вырождению. Непрофессионализм, непомерная регламентация, непрерывный рост должностей и ведомств, постоянная путаница в разделении полномочий превращают бюрократию в царство некомпетентности.

Хотя критика Маркса носила несколько идеологизированный характер, в общих чертах ему удалось обозначить основные дисфункции бюрократического института. Позднейшие критические теории бюрократии Т. Парсонса, Р. Мертона, М. Крозье, Л. фон Мизеса лишь развили и детализировали эту критику на относительно нейтральных идеологических основаниях. Кроме того, стало понятно, что указанные Марксом недостатки бюрократии вырастают из тех же оснований, что и описанные Вебером достоинства. Так, безличный принцип работы бюрократии, призванный, по мнению Вебера, гарантировать её независимость, беспристрастность, обеспечить всеобщее равенство перед исполняемым ею законом, порождает и очевидные трудности: бездушный формализм в принятии решений, отчуждение от подлинных интересов людей, косность, рутинность, буквоедство, неспособность к инициативе и нестандартным решениям в нестандартных ситуациях. Отмеченная Вебером корпоративная солидарность способствует сплочению бюрократии вокруг её собственных частных интересов. Строгая иерархия и внутренняя система поощрений и наказаний формируют карьеристскую психологию, а функционирование вне конкуренции позволяет широко прибегать к искажению информации с целью угодить начальству. Внедрение более объективных формальных методов оценки качества работы чиновника лишь приводит к распространению практик приписок и завышению показателей отчётности. Такая важная, по мнению Вебера, черта бюрократии

как работа в рамках строго прописанных полномочий в итоге формирует порочный круг бюрократической машины: постоянные изменения социальной действительности вынуждают создавать всё новые и новые формы регламентации и контроля, что одновременно сопряжено с созданием новых должностей, ведомств, и различных промежуточных структур. Последние, едва появившись на свет, тут же вступают в борьбу за самосохранение, сопротивляются переменам, искажают и скрывают идущую снизу-вверх информацию, стремятся любыми средствами оправдать своё существование. Растущая регламентация и потоки искажённой информации затрудняют инициативное поведение и решение внештатных проблем, что ведёт к росту числа более гибких неформальных структур, в том числе внутри бюрократического сообщества. Появление параллельных форм власти вскоре идентифицируется как угроза, вслед за чем следует очередной виток регламентации и внедрения новых форм контроля. Тем самым бюрократия оказывается по самой своей природе запрограммирована на постоянное умножение инструкций, отчётности, контроля, раздутие штата, создание новых должностей, учреждений, ведомств, которым оказывается всё сложнее координировать свою работу.

Как уже отмечалось, специфика локальной рациональности определяется своеобразием целей, ценностей и средств, используемых соответствующим индивидуальным или коллективным субъектом. Мы обратились к основам теории бюрократии, чтобы лучше понять особенности бюрократической рациональности и прояснить противоречия, возникающие в точках взаимодействия с рациональностью педагогической. Начнем с того, что у педагогического и бюрократического сообществ разные корпоративные цели. Цель бюрократии — эффективное управление организацией, цель педагогического сообщества — социализация, инкультурация и профессиональная подготовка учащихся. Различие в целях определяет своеобразие ценностных систем. В бюрократическом сообществе доминируют ценности эффективности, порядка, контролируемости управляемой организацией. Для него характерны консерватизм и лояльность к политическому режиму. Педагогическое сообщество представляет собой наиболее массовый слой российской интеллигенции, воспроизводящей ценности свободы, творчества, инициативы, личностного развития, критического мышления.

Различия в ценностях, безусловно, связаны не только с принципиально разным функциональным предназначением, но и разными средствами, которые используют данные сообщества для решения своих корпоративных задач. Свообразием внутренней организации и социальных практик бюрократического сообщества предполагает доминирование безличной формы коммуникации, значительную ритуализацию деятельности, высокий уровень дисциплины, стремление к максимальному контролю, регламентации, предельно объективной формализованной оценке контролируемой сферы деятельности. Повседневная практика воспитателя, школьного учителя или преподавателя вуза требует совершенно других подходов. Здесь гораздо важнее выходить на экзистенциальный уровень коммуникации, крайне значимым оказывается умение понять и учесть в своей работе уникальный внутренний мир другого человека, требуется творческий подход в поисках нестандартных решений для нестандартных

ситуаций. В интересах конкретных учеников приходится постоянно отходить от общих правил, разрывать шаблоны, выходить за границы общепринятого. Наконец, личностный контакт педагога с уникальной индивидуальностью ученика, субъективное соучастие в его судьбе делает в глазах педагога неприемлемой или, по крайней мере, недостаточной формальную оценку результатов их совместной работы.

Один из наиболее известных критиков бюрократии Людвиг фон Мизес, оценивая положение дел в системе образования довоенной Германии, писал, что «школа постепенно стала превращаться в то место, где дети мешают администрации и педагогам работать с документами» (Мизес, 1993). Он согласен с тем, что бюрократическая машина рациональна. Но это тот случай, когда «рационализм немедленно оборачивается цинизмом. Истерзанный бесконечными планами, громоздкими аттестационными процедурами, постоянно меняющейся структурой предметов и их содержанием учитель не в состоянии нести на себе бремя реформ» (там же). В то же время, по мнению фон Мизеса, «бюрократия сама по себе не является ни плохой, ни хорошей. Это метод управления, который может применяться в различных сферах человеческой деятельности. Существует область, а именно, аппарат государственного управления, где бюрократические методы являются необходимостью. То, в чем многие люди в наши дни видят зло, — не бюрократия как таковая, а расширение сферы, в которой применяется бюрократическое управление» (там же).

Соглашаясь с фон Мизесом, необходимо признать, что реформы, проводимые в рамках модернизации российского образования и вызывающие весьма неоднозначную оценку со стороны педагогического сообщества, представляют собой стандартные шаги бюрократической рациональности. Введение новых стандартов, усложнение аттестационных процедур, новые формы отчетности призваны были навести порядок в хаотической вольнице российского образования. На провозглашенные лозунги борьбы за качество образования бюрократия может реагировать только новыми формами отчётности, контроля и оценки.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что начиная с 80-х годов XX века, под влиянием неолиберализма, в мире происходит административная революция, результатом которой становится повсеместное внедрение принципов так называемого государственного менеджеризма. Государственный менеджеризм предполагает создание рыночных стимулов работы государственных служб, формирование конкурентной среды, позволяющей выявлять сильнейших и распределять средства по результату — в пользу наиболее эффективных структур. В России для этих целей государственные образовательные учреждения постепенно реорганизуются в субъекты рыночных отношений, обладающие правом самостоятельно вести коммерческую деятельность — продавать свои образовательные услуги. Введение системы нормативно-подушевого финансирования призвано создать условия для экономической конкуренции образовательных учреждений. Проигравшие в конкурентной борьбе образовательные учреждения в соответствии с жесткими правилами рынка ликвидируются или включаются в состав более эффективных структур. Введение ЕГЭ и федерального интернет-тестирования — ещё один важный шаг к менеджеристской модели

образования, они позволяют выстраивать рейтинги образовательных учреждений и преподавателей, что создает еще один уровень соревнования за распределяемые финансовые ресурсы. А переход на болонскую систему и признание российских дипломов за рубежом позволяют вывести конкуренцию российских образовательных учреждений на международный уровень.

Не удивительно, что в системе координат бюрократического менеджизма статус учителя и его возможности для творчества заметно снижаются. Он рассматривается как легко заменимый и жестко контролируемый продавец строго фиксированных образовательных услуг. Доля живой коммуникации в образовательном процессе сводится к минимуму, аудиторная работа сокращается в пользу различных форм самостоятельного и дистанционного обучения.

Очевидно, что результаты подобных реформ вступают в явный конфликт с ценностями и традициями российского педагогического сообщества, вызывают у него чувство растерянности и непонимания. Тем не менее, необходимо признать, что данные реформы носят достаточно последовательный и планомерный характер, являются частью определенной рациональной стратегии. В данном случае мы имеем дело с конфликтом двух локальных рациональностей, и суть этого конфликта заключается не столько в столкновении аргументов, сколько в столкновении противоположных ценностей.

Если исходить из плюрализма рациональностей, этот конфликт представляется неразрешимым. У бюрократического сообщества своя рациональная стратегия, свои аргументы и соображения, у педагогического сообщества — свои. Но мы исходим из тезиса, согласно которому рациональность не только множественна, но и едина. Признаем существование не только локальных форм рациональности, но и рациональность универсальную. Универсальная рациональность, как мы отмечали, позволяет разным сообществам выходить за пределы частного, вступать в коммуникативные связи, налаживать взаимопонимание, выявлять общие интересы и цели, ради которых обе стороны готовы делать шаги на встречу, уступать, искать компромиссные решения. Иными словами универсальная рациональность позволяет конфликтующим сторонам осознать себя как часть более широкого социального целого, признать, что у них есть общее дело и общее благо.

Рефлексия общего блага является фундаментальной основой рациональной этики. Моральный акт по определению представляет собой ответственное действие или бездействие, осуществляемое не из частных эгоистических побуждений, а с учетом интересов более широкого социального целого. Способность учитывать интересы других, в то же время понимая их тесную связь со своими собственными интересами, — важнейшая способность практической рациональности, за которой стоит непрерывная калькуляция отношений между общим и частным. Первый пример такого рода калькуляции был продемонстрирован еще в теории справедливости Платона. Согласно Платону справедливой, а значит морально оправданной, является такая модель общества, где все социальные группы, реализуя свое собственное функциональное предназначение, одновременно ограничивают себя в полномочиях ради стройной работы социального целого, частью которого они все являются. Тайна справедливости, по Платону,

кроется в гармоничном соединении частных и общих интересов. Эту позицию разделял и Аристотель, для которого категория общего блага становится важнейшей в его политической философии: следование общему благу является у него критерием, позволяющим отличать правильные и неправильные формы политического устройства.

В Новое время с подачи Ж.-Ж. Руссо рефлексия общего блага стала рассматриваться в качестве рационально-этического базиса общественного договора, лежащего в основании генезиса социальности. И хотя сегодня уже никто не рассматривает общественный договор в качестве исторического события, в современных теориях справедливости его по-прежнему анализируют как интеллектуальную модель морального согласования общих и частных интересов, лежащую в основе рациональной этики социального субъекта.

Каким образом рефлексия общего блага может способствовать снижению накала в конфликте бюрократической и педагогической рациональности в российском образовании? На наш взгляд, большая часть проблем в современном российском образовании связана с агрессивной экспансией бюрократической рациональности в чуждое для нее поле педагогической деятельности, где доминируют совершенно иные ценности, цели и средства. Общее направление реформ до сих пор состояло не в том, чтобы стало удобнее обучать и воспитывать, а в том, чтобы было удобнее этот процесс администрировать. Одним из опасных следствий этой тенденции является снижение автономии образовательных учреждений, умаление роли учителя на фоне гипертрофии значения образовательной бюрократии. Очевидно, что в современном российском образовании нарушен естественный баланс интересов бюрократического и педагогического сообществ; и только этическая по своей сути рефлексия общего блага, возвращение к пониманию того, что учитель и чиновник вместе, но по-разному, служат общему делу, способно помочь этот утраченный баланс восстановить. Как ни странно, но ключевые решения многих проблем современного образования находятся в этической плоскости и требуют от всех участников образовательного процесса не просто рациональных, но и моральных усилий.

Итак, совместные дискуссии относительно общего блага обнажают рамки частных групповых логик, позволяют определить место данных социальных групп в рамках более широкого социального целого, подталкивают к осознанию и разрешению противоречий, вынуждают искать компромиссы, вырабатывать общий язык и преодолевать взаимное непонимание. Таким образом, моральные усилия участников коммуникативного пространства являются, возможно, главным условием движения социально дифференцированной рациональности к своему единству. Отказ от классической идеи единой рациональности не безобиден, ибо сама эта идея является нормативным идеалом, самосбывающимся пророчеством, которое реализуется при наличии коллективной веры и совместных действий.

Список литературы

Вебер М. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990.

- Гайдено П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. — М. : Политиздат, 1991.
- Ивин А. А.* Рациональность // *Философия: Энциклопедический словарь* / под ред. А.А. Ивина. — М. : Гардарики, 2004. — URL: <http://disus.ru/knigi/3881-1-ihitklibru-ihitk-filosofiya-enciklopedicheskiy-slovar-pod-red-ivina-m-gardariki-2004-1072-isbn-5-8297-0050-6-v-per.php> (дата обр. 14.03.2018).
- Маркс К.* К критике гегелевской философии права // *Сочинения*. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Издательство политической литературы, 1955.
- Мизес ф. Л.* Бюрократия // *Бюрократия. Запланированный хаос. Бюрократическая ментальность*. — М. : Дело, Catallaxy, 1993. — URL: https://royallib.com/book/mizes_lyudvig/byurokratiya_zaplanirovanniy_haos_antikapitalisticheskaya_mentalnost.html (дата обр. 14.03.2018).
- Осипова Е. В.* Бюрократия: «идеальный тип» и реальность // *Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни* / под ред. В.Н. Шевченко. — М. : ИФРАН, 2008. — С. 63–100.
- Рациональность как предмет философского исследования / под ред. Б.И. Пружинина, В.С. Швырева. — М. : ИФРАН, 1995.
- Сёрль Д.* Рациональность в действии. — М. : Прогресс-Традиция, 2004.
- Спиридонова В. И.* Западные теории бюрократии и российская действительность // *Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни* / под ред. В.Н. Шевченко. — М. : ИФРАН, 2008. — С. 7–62.
- Стребкова Н. В., Чевтаева Н. Г.* Оценка качества школьного образования: социологический анализ групп интересов // *Мониторинг общественного мнения*. — 2011. — № 2. — URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/102/2011_%28102%29_13_Chevtavaeva_Strebkova.pdf (дата обр. 14.03.2018).
- Титова Н.* Отношение участников образовательного процесса к модернизации высшего образования в России // *Мониторинг общественного мнения*. — 2011. — № 3. — URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/103/2011_%28103%29_10_Titova.pdf (дата обр. 14.03.2018).

Об авторе

Дмитрий Викторович Полянский — кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, dvpolianski@gmail.com.

Ethical Foundations of the Unity of Rationality

Dmitriy V. Polyanskiyⁱ

ⁱImmanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad

Abstract: The article deals with the question of unity and plurality of rationality. While the variety of types of rationality is beyond doubt, the question of whether its unity is possible remains debatable. The biological unity of the species *Homo Sapiens* presupposes the unity of human nature, primarily the equal potential for rationality for all the members of the species. The observed differences in theoretical and practical rationality are considered in the article as socially constructed, derived from differences in language, values and methods accepted by various social groups and functionally specialized for solving diverse social problems. Social interests and consequently the types of rationality accepted by different social groups can contradict each other and conflict with one another. As a particular example, the peculiarities and typological differences of bureaucratic and pedagogical rationality are considered. The existence of a conflict between these types of rationality in contemporary Russian formal education is postulated and the essence of this conflict is analyzed. It is hypothesized that the conflict of rationalities is predominantly based on values and the solution to such conflicts relies on the ethical reflection on the common good for all conflicting sides. Joint discussions on the common good reveal the framework of particular group mindsets, allow us to determine the place of these social groups within a wider social whole, push for awareness and resolution of contradictions, force us to seek compromises, develop a common language and overcome mutual misunderstandings. Thus, the moral efforts of participants in the communicative space are perhaps the main condition for the movement of socially differentiated rationality towards its unity. The rejection of the classical idea of a single rationality is not harmless, for this very idea is a normative ideal, a self-fulfilling prophecy that depends on collective faith and joint actions.

Keywords: rationality, bureaucracy, education, ethics, morality, common good.

References

- B.I. Pruzhinin and V.S. Shvyrev, eds. (1995). *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya*. Moscow: IFRAN.
- Gaidenko, P. P. and Davydov, Yu. N. (1991). *Istoriya i ratsional'nost': Sotsiologiya Maksa Vebera i veberovskii renessans*. Moscow: Politizdat.
- Ivin, A. A. (2004). “Ratsional'nost'”. In: *Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar'*. Ed. by A.A. Ivin. Moscow: Gardariki. URL: <http://disus.ru/knigi/3881-1-ihantiklibru-ihantik-filosofiya-enciklopedicheskii-slovar-pod-red-ivina-m-gardariki-2004-1072-isbn-5-8297-0050-6-v-per.php> (visited on 03/14/2018).
- Marks, K. (1955). “K kritike gegelevskoi filosofii prava”. In: Marks, K. and Engel's, F. *Sochineniya*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Mizes, fon L. (1993). “Byurokratiya”. In: *Byurokratiya. Zaplanirovanniy khaos. Byurokraticheskaya mental'nost'*. Moscow: Delo, Catallaxy. URL: https://royallib.com/book/mizes_lyudvig/byurokratiya_zaplanirovanniy_haos_antikapitalisticheskaya_mentalnost.html (visited on 03/14/2018).
- Osipova, E. V. (2008). «Byurokratiya: «ideal'nyi tip» i real'nost'». B: *Byurokratiya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni*. Под ред. V.N. Shevchenko. Moscow: IFRAN, с. 63–100.
- Serl', Dzh. (2004). *Ratsional'nost' v deistvii*. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Spiridonova, V. I. (2008). “Zapadnye teorii byurokratii i rossiiskaya deistvitel'nost'”. In: *Byurokratiya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni*. Ed. by V.N. Shevchenko. Moscow: IFRAN, pp. 7–62.
- Strebkova, N. V. and Chevtaeva, N. G. (2011). “Otsenka kachestva shkol'nogo obrazovaniya: sotsiologicheskii analiz grupp interesov”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no. 2. URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/102/2011_%28102%29_13_Chevtaeva_Strebkova.pdf (visited on 03/14/2018).
- Titova, N. (2011). “Otnoshenie uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa k modernizatsii vysshego obrazovaniya v Rossii”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no. 3. URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/103/2011_%28103%29_10_Titova.pdf (visited on 03/14/2018).
- Veber, Maks (1990). *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress.

About author

Dr. *Dmitriy V. Polyanskiy*, Associate Professor, Institute of Human Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, dvpolyanski@gmail.com.